

Иосиф Циммерманн

Илек помнит всё

Иосиф Циммерманн

Илек помнит всё Часть 2

<https://litres.ru/74143877>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Илек помнит всё» — это книга о людях, чье трудолюбие, вера и прожитые судьбы сложились в живую, подлинную историю поселка Аккемир и близлежащих сел. О тех, кто не искал громкой славы, но день за днем создавал мир вокруг себя: строил дома, растил детей, хранил традиции, переживал утраты и радости, оставляя после себя незримый, но прочный след.

В этих очерках — человеческие голоса и лица, воспоминания и судьбоносные выборы, будни и редкие праздники. Здесь слово соседствует с фотографией, а личная память переплетается с историей места. Это попытка сохранить дыхание нашего времени, чтобы будущие поколения смогли услышать, какими были их предки, понять, чем они жили и во что верили.

Эта книга — не просто хроника, а знак благодарности тем, кто жил рядом с нами, чье присутствие формировало характер поселка и его душу. Пока о них помнят и говорят — Илек действительно помнит всё.

Иосиф Циммерманн

Илек помнит всё Часть 2

Пролог

«Илек помнит всё» — это книга о людях, чье трудолюбие, вера и прожитые судьбы сложились в живую, подлинную историю поселка Аккемир и близлежащих сел. О тех, кто не искал громкой славы, но день за днем создавал мир вокруг себя: строил дома, растил детей, хранил традиции, переживал утраты и радости, оставляя после себя незримый, но прочный след.

В этих очерках — человеческие голоса и лица, воспоминания и судьбоносные выборы, будни и редкие праздники. Здесь слово соседствует с фотографией, а личная память переплетается с историей места. Это попытка сохранить дыхание нашего времени, чтобы будущие поколения смогли услышать, какими были их предки, понять, чем они жили и во что верили.

Эта книга — не просто хроника, а знак благодарности тем, кто жил рядом с нами, чье присутствие формировало характер поселка и его душу. Пока о них помнят и говорят — Илек действительно помнит всё.

об авторе

Иосиф Антонович Циммерманн — писатель, чьи строки выросли из личной памяти и живых человеческих судеб.

Большинство героев его произведений — не вымышленные персонажи, а соседи, друзья детства и родственники. Он знает их истории из первых уст, помнит их лица и голоса.

По происхождению — наполовину немец-католик, наполовину русский-православный. Его крестная мать была украинка — как символ единства культур, переплетенных в его прозе.

Потому каждое слово в его рассказах — не просто воспоминание, а тихая исповедь поколений, чья жизнь стала частью большой истории.

Он принял вызов

И снова пришла весна — звонкая, полноводная, с запахом влажной земли и талого снега. Ветер трепал прошлогоднюю

траву, по оврагам весело бежали ручьи, а над степью тянулись клинья журавлей. Это была весна 1961-го, когда человек впервые шагнул в космос. Им стал Юрий Гагарин, взлетевший в небеса на корабле «Восток-1». Весть об этом событии облетела страну и, казалось, сделала воздух чище, а солнце ярче.

В те дни Булат Мулюков отрабатывал положенные три года после окончания техникума — жил и трудился в одном из колхозов неподалеку от Кандагача, в Актюбинской области. Но именно эта весна принесла перемены и в его судьбу. На базе ремонтно-тракторной станции и четырех колхозов — имени Сталина, имени 40-летия Октября, «Путь к социализму» и «Победа» — образовали новое хозяйство, назвав его совхозом «Победа». Главная усадьба расположилась в селе Покровка.

Совхоз начинался с широких просторов: более 156 тысяч гектаров сельхозугодий, из них 23,5 тысячи гектаров отводилось под зерновые, свыше семи тысяч — под кормовые культуры. Здесь паслось более четырёх тысяч голов крупного рогатого скота, около десяти тысяч овец и почти пять сотен лошадей. В распоряжении механизаторов имелось девятьно шесть тракторов, пятьдесят четыре комбайна, десятки грузовиков и множество другой техники.

В этом большом хозяйстве Булат трудился механиком и сварщиком. Село Покровка, раскинувшееся на берегу реки Темир, позже получило казахское имя — Сағашилі, что в пе-

реводе означает «поросшее чием» — степным тростником. Из этого прочного растения казахи издавна плетут циновки.

Булат любил выходить весной за окраину, к реке, и смотреть на высокое небо, где теперь, казалось, рядом с журавлиными клиньями пролетал и первый космонавт.

— Куда они летят? — бывало спрашивал молодой мужчина, глядя на журавлиный клин.

— В будущее, — тихо отвечала стоявшая рядом супруга Софья. — И тебе, Булат, пора об этом задуматься.

— Я за вас переживаю, — сдержанно возразил он.

— А зря, — улыбалась жена. — Мне обещают подходящую должность в райцентре. Нам же и квартиру дают. Там и отопление, и водоснабжение, и рядом детский сад. Моя мама согласилась жить с нами.

Булат чуть приподнял брови:

— Выходит, я могу спокойно учиться четыре года на очном отделении?

— Конечно, — уверенно сказала Софья. — Ты можешь там жить в уральской квартире моей мамы, и все у нас получится...

У Мулюковых работа и профессия всегда стояли на первом месте. Жизнь текла в заботах и трудах. Знаменательно, что влюбленная парочка лишь спустя шесть лет совместного быта нашла время, чтобы расписаться официально...

Актовый зал Уральского сельскохозяйственного институ-

та в тот день был переполнен. За длинным столом, накрытым зеленым сукном, сидели преподаватели. В рядах — выпускники и их семьи. Легкий гул голосов смолк, когда на сцену поднялся ректор — высокий седовласый человек, державший в руках стопку красных дипломов.

Он сделал паузу, оглядел зал и заговорил:

— Дорогие выпускники! Сегодня вы вступаете в большую жизнь. Перед вами — поля, фермы, хозяйства, тысячи людей, которые ждут ваших знаний и грамотного управления. Особенно хочу отметить тех, кто показал пример упорства и любви к земле.

Пролистав список, ректор поднял глаза:

— Булат Галимович Мулюков!

В зале раздались аплодисменты. Булат поднялся с первого ряда и направился к сцене. За его спиной шептали: «с отличием», «красный диплом». Он чувствовал, как в груди стучит сердце, но шагал твердо.

Ректор крепко пожал ему руку и протянул диплом.

— Вас ждет нелегкая, но почетная работа, — сказал он торжественно. — Управление сельского хозяйства Темирского района уже сегодня готово принять вас в свои ряды. Мы верим, что вы оправдаете надежды и станете настоящим хозяином земли.

Булат слегка поклонился, прижал диплом к груди. В его глазах стояла сдержанная радость и волнение...

По распределению Мулюков вернулся в родную область. Девять лет его жизнь была связана с Управлением сельского хозяйства. Начинал инженером. Со временем опыт и ответственность росли, и последние пять лет он уже возглавлял это управление, неся на себе груз решений и забот за целую отрасль...

На очередном собрании, в зале заседаний райкома стояла тягучая тишина. После паузы на перекур все снова собрались здесь и сидели напряженные, словно ждали не решения, а приговора. Стол президиума, обтянутый красным сукном, светился под электрическими лампами, и в этом ровном свете лица членов бюро выглядели чуть суровее, чем обычно. Секретарь райкома прочел проект постановления, и слова «назначить директором совхоза “Пролетарский” товарища Булата Галимовича Мулюкова» прозвучали почти буднично. Но в зале по рядам прокатилась еле заметная волна удивления. Все знали: совхоз — проблемный. То техника

ломается, то скот гибнет, то планы по зерну проваливаются. Директорское кресло там скорее походило на раскаленное железо, чем на награду. Мулюков, сидевший среди товарищей, даже растерянно привстал, будто не расслышал. Его смущенный взгляд метнулся по сторонам, и только глаза выдали: он не ожидал такого поворота.

И тут поднялся Иван Николаевич Гриненко — председатель райисполкома. Высокий, широкоплечий, с открытым лицом человека, привыкшего скорее к разговору на ферме и в поле, чем к длинным речам в кабинетах. Он не любил пустых фраз и показного официоза.

На фотографиях тех лет Гриненко часто в шляпе и строгом пальто: сдержанная улыбка, взгляд в сторону собеседника, рядом — люди. Это символично: он был человеком коллектива, партийным руководителем и простым мужиком, умеющим поговорить с каждым по-свойски.

Неслучайно его имя позже увековечат в названии одной из улиц города Кандыга (бывш. Октябрьск) Актюбинской области. Простая рабочая улица, по которой ежедневно ходят люди, хранит память о человеке, оставившем заметный след в истории района.

Неслучайно его имя позже увековечат в названии одной из улиц города Кандыга (бывш. Октябрьск) Актюбинской области. Простая рабочая улица, по которой ежедневно ходят люди, хранит память о человеке фронтового поколения, оставившем заметный след в истории района.

Иван Николаевич подошел к Мулюкову, положил ладонь на его плечо.

— Знаем — совхоз не подарок, — сказал руководитель негромко, но твердо. — Отстающий. Но кто, если не ты, Булат Галимович, сможет его вытащить из ямы?

Слова Гриненко прозвучали не как официальное напутствие, а как доверие. В них было и предупреждение, и поддержка.

И тогда Мулюков, еще минуту назад потерянный, вдруг выпрямился. В глазах мелькнуло упрямое, почти мальчишеское пламя. Он кивнул Ивану Николаевичу так, как кивают

старшему другу. И стало ясно: он согласен. Он примет вызов.

Заседание продолжилось, но уже без прежней напряженности. Решение было принято, и каждый понимал: впереди у Мулюкова труд, борьба и бессонные ночи. Но с таким началом — с верой, которую в него вложил Гриненко, — у совхоза «Пролетарский» появлялся шанс...

Ту ночь Булат и Софья не сомкнули глаз.словно молодые, впервые вставшие перед общей жизнью, они сидели за столом и шептались о будущем. Только теперь речь шла не о семейных делах, а о совхозе.

Булат, поддавшись волнению, выхватил чистый лист бумаги. Чернила ложились поспешно, но твердо — он записывал мысли, которые давно роились в голове:

— Главное — государственный план, — бормотал новоиспеченный директор. — Производство, поставки, это всегда в первую очередь. Но нельзя забывать и о людях: пусть не шикарно, но чтобы жить могли по-человечески...

Зима придавила степь. Метель шла стеной, и видимость падала до вытянутой руки. Булат Галимович Мулюков вез на своем УАЗе главного врача района, Еревана Баймухамбетова, — утром они объехали отделение Шевченко, поговорили с доярками, проверили фельдшерский пункт, а к вечеру попали в буран. Мулюков взял рацию:

— Сарсен, это Мулюков. Мы между Шевченко и Аккемиром. Видимости ноль. Высылай трактор.

Ответ пришел сразу, будто заведующий отделением стоял рядом:

— Принял. Дует с северо-востока. Посылаю К-700.

Кировец пришел, как живая стена. Желтая громадина на огромных, в человеческий рост, колесах; высокий квадратный капот, трубой вверх торчит выхлоп, в кабине — фигурка механизатора. Фарами бьет в белую муку и не пробивает ее дальше пары метров. Мотор урчит глухо, с металлическим баском — чувствуется, работает сила.

Колонной двинулись к Аккемиру: впереди Кировец, сзади — УАЗ. Сарсен не выпускал связь:

— Ветер в спину. Под балкой — овраги, берегитесь.

Буран был такой, что стань у задних колес трактора — передних уже не видно. Сугробы шли валом, дорогу смывало, и каждый новый метр приходилось брать наугад, на голос человека в рации и на опыт. Самое страшное — овраги. В этих местах их много: кажется, поле ровное, а там — темная пасть под снегом.

Когда стало ясно, что дальше — уже не движение, а лотерея, остановились. Встали так, чтобы К-700 заслонял УАЗ от ветра. Водитель уазика сказал, что бак полный, завел двигатель на малых оборотах. Печка дула теплым воздухом, стекла затянуло туманом. Разговоры стихли. Дремали, вздрагивали от порывов ветра, снова дремали.

Утро развернулось резко: солнце ударило в глаза, снег осел, мир стал явным. Вышли — и все сразу онемели: УАЗ и Кировец стояли на самой кромке высокого обрыва, над обледенелым берегом Илека. Еще пару шагов ночью — и машины полетели бы вниз. На противоположном берегу, в просвете метельной синевы, лежал Аккемир.

— Пошли пешком, — сказал Мулюков.

До села добирались по насту, оглядываясь на оставленные у края машины. Шли больше молча. Уже в виду первых домишек Булат Галимович проговорил, будто дал слово самому себе:

— Нам срочно нужны видимые дороги. И мост через Илек. Хватит на авось.

Слова не разошлись с делом. Вскоре поперек Илека легли списанные трубы большого диаметра — двенадцатиметровые, привезенные из Челкарского района, со старого газопровода Бухара–Урал. Берега подсыпали, насыпь укрепили — и по новой перемычке пошли машины.

После первой переправы соорудили и остальные — в Жарыке, через реку Коктобе, и на других притоках Илека. Село за селом связывалось дорогами. К отделению «Восток» протянули грейдерное полотно — двадцать километров от Аккемира. Для этого закупили дорожную технику: за тракторами тянулись огромные дисковые резак, резали землю, укладывая ровную, видимую всем дорогу...

Татьяна, Иван Константинович и Ирина Кальницкие. 1973 год. Иван Константинович Кальницкий В Казахстан попал из Курской области на целину в конце 50-х, Сперва жил в Золотоноше, потом в Аккемире. Познакомился с Чабан Раисой Ивановной. Поженились. В совхозе проработал много лет экспедитором(снабженцем). В 40 лет остался вдовцом с двумя дочерьми 7 и 10 лет. Был достойным отцом. Умер в 1984 году на 54 году жизни

На ветру пахло мокрым цементом и свежей кладкой. Со-

фья Юнусовна Мулюкова — по образованию строитель, в совхозе инженер технадзора — шагала по грязному щебню вдоль будущей трехэтажной школы Аккемира. На руке — планшетка с журналом работ, из кармана торчит рулетка, на шее — отвес.

— По лестничному маршу швы не добиты, — спокойно отметила она, заглянув под опалубку. — И утеплитель на северном фасаде не доводите до угла. По нормам — сплошной контур.

Начальник участка (каска заледенела, улыбка теплая) развел руками:

— Примем, переделаем. К вечеру подтяну каменщиков.

— И акт на скрытые работы — сегодня, — добавила она. — С печатью.

Они обсудили бетон по марке, сроки прогрева, стыковку плит. Под ногами чавкала глина, над стройкой тонко гудел кран, таская поддоны кирпича. Попрощавшись, уже на ходу, инженер обернулась к мужчине в каске:

— Завтра приду с проверкой — чтобы все было по нормам.

Начальник участка весело откликнулся:

— Софья Юнусовна, да вы вообще когда-нибудь спите? Гляньте, сколько строек подняли!

Она ухмыльнулась краешком губ:

— Так все — не просто нужное, а необходимое. Школа, Дом культуры, контора совхоза, котельная, цех ремонта комбайнов, коровники, кошары, зерноток. И линии электропередач — протянуть во все отделения. В отдаленных до сих пор пользуются керосинками.

— Понял, — кивнул он. — Сегодня дождем швы и утеплитель, кран оставлю на час дольше.

— Организуйте строителям горячий чай, — бросила она, уже спускаясь с насыпи. — Мне не нужны герои простуды.

В журнале рядом с ее пометками легла короткая подпись. Кран снова взял высоту. Софья Юсуповна шагнула к «буханке» — впереди были котельная и зерноток. День только начинался...

К полудню в конторе «Пролетарского» шло совещание: отчеты, таблицы, карты. Первый секретарь райкома товарищ Салим Шинтасов задавал вопросы, Булат Мулюков отвечал коротко, по делу. За окнами — белая поземка, ветер шкурил степь.

Дверь распахнуло порывом. Ввалился чабан с дальней точки «Караганда» — на шапке и тулупе корка снега.

— Отарым жоғалды! — выпалил он по-казахски. — Отара пропала!

В комнате на мгновение воцарилась тишина.

— Закругляемся, — приказал секретарь райкома. — Все силы на поиск.

— К-700 — на выезд, — отдал распоряжение директор совхоза. — Я на «УАЗе». Связь по рации.

— Я с тобой, — принял решение Салим Картбаевич.

Во дворе рыком ожил К-700 — желтая машина с колесами, выше человеческого роста. Фары кусали белую пыль метели. «УАЗ» пристроился сзади: трактор шел бульдозером, пробивая колею.

Видимость — как через марлю. Шли медленно. Через каждые сто-двести метров останавливались. Мужчины выходили, прикрывая лица шарфами. Приседали к насту, всматривались: двойные «расколотые» отпечатки копыт, вытянутые бороздки от бегущих ног.

— Овцы всегда идут против ветра, — напомнил Шинтасов. — Значит, держим курс в морду метели.

В одном низовье ушли в непролазные заросли чилиги и шиповника. Кусты упруго держали снег, как сеть. Нашли несколько застрявших овец — уже поздно: по следам виднелось, что ночью тут прошли собаки или волки. Молча отметили место на карте, переглянулись, пошли дальше по следу.

Ночь сгустилась быстро. Ветер кидал в борта снежную крупу. К-700 шел первым, как ледокол, «УАЗ» держался в его тени. Снова остановки, снова смотреть след: разворотов нет — отара шла упрямо, все дальше в степь, к чужой гра-

нице. Пальцы немели даже в рукавицах.

К утру горизонт посветлел, поземка стихла. На вершине невысокой гряды показалась темная масса — сбитая, как камень. Подъехали ближе: отара стояла, уткнув морды в ветер, сбившись в плотный гурт — бок о бок. Это уже была территория соседнего совхоза «Победа» — верст тридцать ушли.

— Наши, — сказал чабан глухо, и только тогда выдохнул.

В контору центральной усадьбы вернулись к обеду следующего дня — уставшие, с воротниками в инее. На столе дымился чай. Подсуежилась заведующая отделом кадров Эмма Давидовна Шкуропат. Говорили негромко. Все понимали: сегодня повезло, а завтра все может повториться — степная погода горазда на сюрпризы...

Трифоновы Мария Васильевна и Борис

Трифоновы Вера, Анфиса, Максим, Витя, Вася и Вова

Осеннее утро еще дремало в тумане, когда в дверь директора совхоза забарабанили кулаком. Алексей Михайлович Федорченко, заведующий МТМ, влетел в дом запыхавшимся, с лицом человека, которому будто конец света привиделся.

— Беда! — твердил он, хватая воздух. — Булат Галимович, беда!

— Да что за беда, — недовольным голосом отозвался, еще сонный, Мулюков.

— Цыгане... Всем табором захватили машинно-тракторные мастерские. Там костры, дети, бабы... пилят, режут, технику губят.

Через несколько минут «УАЗик» директора и заведующего трясся по проселку, раскисшему от дождей. Желтые листья прилипали к колесам.

К тому времени в Аккемире уже гудела весть. У саманных калиток и на ступеньках конторы толпились люди, вели пересуды, качали головами.

— Говорят, в МТМ теперь кони да гитары.

— Милицию бы, а то ж ведь всю технику угробят!

— Да они вечно: налетят вихрем, а потом ищи-свищи.

Старики качали головами, женщины охали, молодежь посмеивалась. Для одних табор был бедой, для других — зрелищем.

А мальчишки уже осадили забор и ворота ремонтных цехов, наблюдая. Все выглядело как в нереальности: везде женщины в ярких платках и цветастых юбках, на земле разложены узлы, котлы, кастрюли; дети ползали прямо под колесами тракторов, гонялись за собаками; подростки ковырялись в старых железках, что-то пилили и тащили в костёр. По углам, прямо на ящиках, сидели бородатые мужики с бутылками и гитарами.

Когда в ворота мастерских вошел Мулюков, его встретил шумный гул.

— Прекратите этот беспредел! Немедленно! — перекрикивая гомон, выкрикнул директор совхоза. — Иначе я вызываю милицию!

В ответ раздался дружный хохот. Вперед выступила жен-

щина лет сорока, с полным ртом золота:

— Ты , дорогой, заплати сперва! Мы тут всю ночь на тебя пахали!

Мулюков сжал кулаки. Повернулся к Федорченко:

— Участковому сообщили?

Заведующий кивнул.

И тут грянул визг. Та же цыганка завопила:

— Ой люди добрые, убивают! Машиной ребенка задавили!

И прямо под ноги директору бросила грудного младенца. Тот завизжал, зашевелил ручками. Женщины вокруг завыли, подхватив плач. Ор поднялся такой, что даже подоспевшие рабочие и кузнец растерялись.

Мальчишки за забором ахнули, один даже хотел бежать прочь. Но страх смешивался с притягательным ощущением — они видели настоящее, не книжное приключение...

Позвонили в райком партии. Переговоры тянулись весь день. Милиционер беспомощно ходил туда-сюда, то уговаривал, то грозил. Цыгане вели себя шумно и вольготно, словно мир принадлежал им. Женщины плакали нарочно, с надрывом и умением, будто слезы — тоже часть их искусства. Мужчины горячо спорили, размахивая руками, громко и упрямо, не заботясь о тишине. А дети носились по мастерским, как по собственному двору, не признавая ни запретов, ни чужих границ.

К вечеру табор все же согласился уйти — но не просто

так. Народ потом говорил, что совхозу пришлось заплатить приличную сумму да еще выделить автобусы, чтобы увезти незваных гостей туда, куда они сами укажут.

Когда дым костров рассеялся, в МТМ остались гарь, мусор, обугленные железки. И каждый видел это по-своему: директор — как беду, сельчане — как напасть. А для мальчишек это было приключение на всю жизнь. Они еще долгие годы пересказывали друг другу, как цыганка бросила грудничка директору под ноги, как женщины в цветастых платьях кричали «Убивают!», как пламя горело синим...

семья Хиониди - Сироткины

К новой конторе центральной усадьбы совхоза «Пролетарский» подтянулись машины. Вышли первый секретарь обкома Василий Андреевич Ливенцов и председатель райисполкома Иван Николаевич Гриненко; навстречу им — директор совхоза Булат Галимович Мулюков. Так и выстроились: русский, татарин и украинец. Их сразу окружили люди десятка национальностей — бригадиры, доярки, механизаторы, старики в чапанах и лисьих шапках. Ливенцов шагнул вперед, поднял ладонь:

— Товарищи! Ваш совхоз «Пролетарский» из отстающих выбился в миллионеры! — сказал он громко, чтобы слышали даже в последних рядах. — Шесть тысяч голов крупного рогатого скота, двадцать три тысячи овец. Большая работа по улучшению быта: ежегодно сдаете по двадцать жилых домов. Совхоз хорошо оснащен: на полях работают двести тракторов, сто двадцать комбайнов, сто четыре грузовика; есть и парк подсобной, строительной техники.

Рядом выступил Гриненко, кивнул в сторону директора:

— Вот что значит, когда у руля хозяйства — настоящий хозяин. За полвека у вас тут сменилось восемнадцать директоров, а Мулюков — надежно держит курс дольше всех.

Толпа взорвалась аплодисментами; кто-то радостно свистнул, женщины улыбались, прижимая к груди платки.

— Я-то что, — в смущении развел руками директор совхоза. — Без наших людей, настоящих героев производства,

никто бы не справился. У нас трудолюбивые комбайнеры — к примеру, семья Купцовых. Отлично работает тракторная бригада Имангазина Алпы. Есть и специалисты широкого профиля — Бредгауэр Василий Яковлевич, механик, на все руки мастер. Под руководством энергичной Есенкуловой Даметай мы организовали бригаду девушек-комбайнеров: в нее вошли Шамсия Туякова, Алуа Тулегенова, Кадиша Атамбаева, Вера Бондарь и Ольга Лужецкая. Девушки доказали, что могут уверенно вести «хлебоуборочные корабли» степей — комбайны «Нива» — наравне с мужчинами. То же самое и с женской тракторной бригадой: там трудятся Галина Оккерт, Татьяна Купцова и Валя Батищева.

Говоря это, Булат Галимович не преминул пожать руки стоявшим рядом односельчанам.

Первый секретарь обкома Ливенцов поддержал:

— Закрепляйте успех. Техника, горючее — поможем. Вам есть на кого равняться. Вот ваш передовик, чабан Зиادا Тулесинов: на 100 овцематок получил по 130 ягнят. За это на ВДНХ премирован легковым автомобилем «Москвич». А картофелевод Поляков Григорий Пантелеевич: долго проработал управляющим отделения «Золотонош». Москва за высокие показатели по картофелю наградила его цветным телевизором.

— С таким руководителем, как Булат Галимович, вам все вершины покорны, — подытожил Ливенцов. — Насколько

мне известно, ваш директор Мулюков за долгую безупречную работу награжден орденами «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени, имеет также три медали.

«Колыбель Аккемира» — так называли этот детский сад. Много деревьев, тень, тишина — одно из самых укромных и теплых мест в поселке. Здесь работала нянечкой Евдокия Петровна Корнейчук, а поваром — ее дочь Галина, в замужестве Нехотящая.

Собрание быстро переросло в живой разговор: спрашивали про новые трактора и про ремонт дорог. Гриненко пообещал пройтись по проблемам вместе с районом:

— Где нужно — подтянем снабжение, где есть задержки — разберемся.

На прощание Ливенцов еще раз обратился к людям:

— «Миллионер» — не потолок, товарищи. Это только начало.

Снова аплодисменты. Машины тронулись, а на дворе еще долго стояли группки — обсуждали услышанное, пересчитывали в уме центнеры и планы на ближайшую страду.

На крыле вокзала

В старых подшивках пожелтевших изданий есть один особенный номер — праздничный выпуск днепропетровской «Зори» (укр. - звезда) от 23 февраля 1978 года. Газета того дня дышала торжеством: официальные речи, передовицы, лозунги. И вдруг — на третьей полосе, среди сухих отчетов и поздравлений — заметка с теплым заголовком: «Парень из Аккемира».

Несколько скупых строк, набранных четким типографским шрифтом, звучали казенно, но для одной семьи они были громче всяких фанфар.

«В одном из подразделений нашей части служит ефрейтор Мышелов А. И. Родом он из села Аккемир Октябрьского района Актюбинской области. К службе относится серьезно, требователен к себе... За отличную службу, образцовое выполнение воинского долга солдат награжден нагрудным знаком „За отличие в службе“... Просим передать от командования родителям Анатолия Мышелова — Ивану Агафоновичу и Екатерине Ивановне — большое командирское спасибо за воспитание сына...»

Короткий текст практически ничего не говорил о самом человеке — ни о его характере, ни о его мечтах. Но для Аккемира, для дома Мышеловых это было первое публичное свидетельство. Признание не только армейской службы Анатолия в рядах внутренних войск МВД, но и труда его родителей, их кропотливой житейской школы, благодаря которой сын вырос таким, каким хотела видеть его Родина.

И в тот февральский день, когда страна чествовала своих защитников, вместе с солдатом Анатолием незримо стояли его отец и мать — Иван Агафонович и Екатерина Ивановна. Их скромный труд оказался частью той общей гордости, о которой писала «Зоря».

В Военно-Морского Флота

Парень из Анкемира

В одном из подразделений авиации служит ефрейтор Мамедов А. Н. Родом он из села Анкемира Октябрьского района Актобинской области. К службе относится серьезно, требователен к себе. Именно эти черты характера помогли ему стать настоящим солдатом. Он — отличник боевой и политической подготовки, спортсмен-разрядник, значоклет военно-спортивного командования. Мамедов обладает быстро, стал классным специалистом. Теперь помогает товарищам. Как комсомольский активист, он работает с огоньком, своей энергией заражает окружающих.

Сейчас наша часть готовится к достойной встрече выборов в Верховный Совет СССР. Мамедов уже трудится над выполнением важных коммунистических обязанностей, и среди передовиков — Анатолий Мамедов. За отличную службу, образцовое выполнение воинского долга он награжден нагрудным знаком «За отличие в службе» 11 степени, медалью «За отвагу», поощрялся командованием части.

Нашим командиром от комсомола является Анатолий Мамедов — Ивану Агафонову, члену бюро, и Евгению Ивановичу, большому командирскому спешно за воспитание сына — настоящего комсомольца, отличного защитника Родины.

В. ШЕВЕЛЕР,
помощник начальника
политотдела 11-ской части
по комсомольской

Отец — из тихого Мичуринска на Цне, мать — из далекой Одессы, у самого Черного моря. Казалось бы, где Мичуринск, а где Одесса? Две разные судьбы, два разных края. Но для советских лет это было совсем не редкостью. Гигантские стройки, новые железные дороги, заводы и шахты, целина и послевоенные стройотряды везли людей через всю страну. Молодые встречались в пути — на станциях, в рабочих бараках, на комсомольских стройках. Так и возникали семьи, где переплетались разные земли, говоры, привычки.

Судьба свела вместе этих двоих, не оставив потомкам, к сожалению, воспоминаний об их романтическом начале.

Они просто жили — трудились, растили детей, держались друг за друга. И это было естественно для времени, когда на первом месте стояли не чувства и слова, а дело.

В Аккемир семья Мышеловых попала не по заранее наменному плану, а благодаря отцовским командировкам. Он колесил по стране, сопровождая составы, и однажды взял семью с собой. Так железная дорога привела их на маленькую станцию среди степей, и здесь они пустили корни.

Для тех лет это было настоящим счастьем — осесть. В памяти родителей еще свежи были суровые послевоенные будни: недоедание, холодные бараки, бесконечные тревоги за завтрашний день. На этом фоне Аккемир показался тихой гаванью, где можно жить без страха и растить детей.

Стук колес и свист паровозов были для семьи Мышеловых такой же частью жизни, как запах хлеба на кухне или детский смех во дворе. Их квартира находилась прямо в здании вокзала Аккемир, под одной крышей с залом ожидания и кассами. По утрам стены дрожали от проходящих составов, а вечерами дети засыпали под гул локомотивов, будто под колыбельную.

Иван Агафонович знал железную дорогу от шпалы до semaфора. Во время войны он был машинистом и вел военные эшелоны, потом охранял составы от диверсантов и мародеров, заведовал водокачкой, без которой паровозы не могли двинуться в путь, а позже стал диспетчером на станции. Жизнь была полна стука колес, запаха угольного дыма и ночных дежурств.

Его лицо — широкое, с крепкими скулами и твердым подбородком — носило отпечаток прожитых лет и испытаний. В чертах его не было излишней мягкости: суровость сочеталась с внутренним спокойствием, словно все, что выпадало на его долю, он принимал с молчаливым достоинством. Во-

лосы когда-то густые и темные, очень рано начали редеть, открывая высокий лоб — знак разума и зрелости. Но даже в этом было что-то величественное: он старел не ломаясь, а укрепляясь в своем облике, будто камень, обточенный ветрами. Глаза его были серьезные, глубокие, в них редко мелькала улыбка, но когда она появлялась, весь дом будто светлел.

Так его и запомнили: не по отдельным чертам, а по целому образу, где суровость уживалась с заботой, а внутренняя сила передавалась детям и внукам — как наследие, которое не меркнет с годами.

Екатерина Ивановна держала на своих плечах весь быт. Она убирала на вокзале, подрабатывала в магазине, а дома вела большое хозяйство. На огороде росло все, что только можно вырастить в степи: картошка, капуста, лук, бахча. Все это кормило семью куда надежнее любой зарплаты. В погребке всегда ждали банки с соленьями, мешки с картошкой, бочки с квашеной капустой.

Она была сердцем семьи, ее тихим, но неугасимым огнем. В молодости ее лицо выделялось ясными чертами: высокий лоб, прямой взгляд, сдержанная красота без излишеств. В ее глазах уже тогда светилась внутренняя стойкость — та, что помогает женщине пройти через тяготы жизни, сохранив достоинство.

Со временем в ее облике появилось больше мягкости, но не слабости: морщины легли, как строки судьбы, на лицо,

а во взгляде поселилась мудрость. В ее глазах можно было прочесть многое — и усталость, и заботу, и ту особую нежность, которую матери умеют хранить в тишине, не выговаривая вслух.

Волосы ее, уложенные аккуратно, подчёркивали простоту и строгость, а одежда всегда была скромной, но опрятной — как символ того, что главное в жизни для нее было не наряд, а дом, дети, род.

Она не была женщиной шумной, но ее присутствие чувствовалось в каждом уголке дома. Там, где она — там порядок, тепло и ощущение защищенности. Ее руки знали и тяжелый труд, и нежность прикосновения к ребенку. Ее слово не требовало громкости — в нем звучала сила привычной правды и житейской мудрости.

На скромной кухонной полке, рядом с жестяной банкой для крупы и семейными фотографиями, лежали мамины награды — звезда матери-героини и медаль «За добросовестный труд». Для самой хозяйки дома они не значили почти ничего: она продолжала вставать затемно, идти на огород, кормить детей. Но для всех вокруг эти награды были знаком уважения к ее судьбе.

В Аккемире семья обрела свое маленькое благополучие. При всех заботах и трудах они не знали настоящей нужды. Их достаток измерялся не деньгами, а единством, трудолюбием и тем особым домашним теплом...

братья Мышеловы: Юрий, Владимир и Евгений

Семья была многодетной — десять детей: шесть мальчиков и четыре девочки. Старший сын Виктор, за ним Юрий, Владимир, Александр, Евгений и самый младший — Анатолий. Девочек звали Лидия, Тамара, Раиса и маленькая Надежда.

Их дом на крыле вокзала всегда был полон детворы, гостей, разговоров, хлопот. И все это — на фоне скрежета тормозов, шагов пассажиров и вечного движения. В сенях гремели сапоги, в комнате кто-то часто читал вслух, играл на гармошке или спорил за шахматной доской. У каждого ре-

бенка были друзья и подруги, и те частенько оставались на ночлег в гостеприимном доме под крышей вокзала. По вечерам там пахло свежим хлебом и картошкой из печи, в воздухе витал гул ребячьих голосов, а на лавках и койках все время спорили за место. Чаще всего стелили спать прямо на полу. Для малышей это было нормальным: уснуть плечом к плечу, перешептываться в темноте, смеяться от любой мелочи. Дом гудел, как улей, и это жужжание было сладкой музыкой их детства.

Ботагоз Сактаганова, Лена Кохан, Кайрат Кальменов, Юлай Султанов, Наташа Ткаченко, “Шеф” Рсалы Алмагамбетов, Алька Давыденко, Руслан Мулюков, Тарбия Искужи-

на, Ира Кальницкая, Надя Мышелова, Ира Джебко, Света Шкуропат

Особое место в жизни семьи занимала фельдшер железнодорожной амбулатории, их соседка — Анна Александровна Корнева. Она была не просто врачом, а доброй «тетей Аней», настоящим айболитом. В многодетной семье болезни случались часто: то ветрянка пройдет цепочкой сразу у нескольких ребят, то ангина уложит полдома. В такие дни дверь открывалась без стука — на пороге появлялась тетя Аня с потертым медицинским чемоданчиком и неизменным запахом йода и камфоры.

Она умела одинаково строго и ласково разговаривать с ребятней: сначала пригрозит уколом, а потом подмигнет и достанет конфетку. И все знали: пока рядом тетя Аня — беда отступит.

Младшая дочь Надежда признается: своей жизнью она обязана именно фельдшеру. После запоздалой операции по удалению аппендицита у девушки начались тяжелые осложнения. Ни в районном Кандагаче, ни в областном Актюбинске, ни даже в Хромтау врачи не смогли ничего исправить — ее «списали» — дома доживать. Но поселковый медицинский специалист не смирился. Анна Александровна приходила каждый день, делала перевязки, прикладывала мазь Вишневского, и через две недели швы зажили, рана затянулась. Спасла пациентку не только мазь, но и редкая профес-

сиональная преданность делу, человеческая забота.

В доме Мышеловых имя Анны Корневой до сих пор проносят с благодарностью — как символ человека, который умел возвращать надежду даже тогда, когда все врачи с дипломами института или академии разводили руками...

С Аккемира Мышеловы перебрались в Актюбинск. Родителям это решение далось непросто, ведь за годы маленькая станция стала им родным домом. Но перевесила забота о младшенькой: Надежда поступила учиться на повара, и отец с матерью не захотели оставлять ее одну в большом городе. Они поехали следом, чтобы быть рядом, поддержать, помогать словом и делом. Так в их жизни началась новая городская страница, полная испытаний и новых забот...

Позже, уже в Актюбинске, семью постигло тяжелое испытание. Отец, будучи на пенсии, подрабатывал на заводе «Химпласт». Там случился пожар, и он получил ожоги четвертой степени. Врачи почти не оставляли надежды.

Но мать не знала усталости. Днем и ночью сидела у его изголовья: меняла простыни, делала перевязки, сама готовила мази и аккуратно накладывала их на обожженные участки тела. Она кормила его с ложки, поила, вытирала пот со лба. Больничные стены видели не отчаяние, а упорство женщины, которая не позволила судьбе сломить любимого.

Медики дивились: как он выжил после таких травм? Приезжали профессора, благодарили Екатерину Ивановну, кланялись за труд и терпение, дарили цветы. Они признавались:

такого чуда еще не видели.

Иван Агафонович прожил после того пожара еще пятнадцать лет. Правда, болезнь парализовала его, но супруга и тут не отступила. Трижды в день — перевязки, борьба с пролежнями, чистое белье, теплое слово. Она ухаживала за ним до последнего вздоха, не отходя ни на шаг.

Павел Бредгауер, Виктор Оккерт и Ваня Вейбер

Когда сердце отца остановилось, детям стало как никогда ранее ясно: именно так выглядит настоящая любовь. Вер-

ность и стойкость матери стали примером для всей семьи. Ее жизнь — живая проповедь доброты, терпения и силы. И сегодня потомки Мышеловых вспоминают ее с гордостью, стараясь сохранить в себе хотя бы крупицу той любви, которой она жила.

Сегодня из большой семьи Мышеловых в живых осталось всего двое братьев и три сестры. Их голоса звучат тише, чем было в шумном доме детства, но память хранит все: и огороды в Аккемире, и смех гостей, спящих на полу, и запахи материнского хлеба, и подвиг отца, выстоявшего после пожара, и безграничную любовь матери.

Газетная заметка о «Парне из Аккемира» была лишь крупицей в летописи этой семьи. Главные же ее страницы написаны сердцами, любовью, верностью и тем упорным трудом, который оказался сильнее любых испытаний.

Семья — всему голова

*Всё, что они создавали своими руками,
делалось ради тех, кого они любили.*

Зимнее утро в поселке начиналось с пробуждения печных труб. Казалось, что весь мир еще спит, а над крышами уже начинали робко подниматься тонкие сизые струи дыма. Он неторопливо тянулся вверх, растворяясь в прозрачном морозном воздухе. Небо становилось все светлее. На востоке появлялась мягкая золотистая полоска. Морозные искорки

на снегу загорались одна за другой, словно кто-то невидимый рассыпал по степи маленькие бриллианты.

Феодосия Евтеевна в полутьме кухни, не зажигая свет, вошла у печи. Морозное стекло едва пропускало лучи света. Старушка привычным движением разожгла огонь в топке. Сухие полешки, распиленные и нарубленные из спиленных на железной дороге шпал, вспыхнули с тихим потрескиванием. Пламя, ухватившись за пропитанное когда-то гудроном дерево, выпустило особенный запах — густой и терпкий.

Тепло расплзлось по кухне — сначала осторожно, тонкой волной от чугунной дверцы печи, потом всё шире и шире, пока не заполнило собой все помещение. Ледяные узоры на оконных стеклах начали таять и исчезать — мороз, хоть и нехотя, уступал свои владения теплу. Капельки прозрачной воды медленно потянулись вниз по стеклу, оставляя за собой влажные дорожки.

Огонь в печи гудел. Пар от кипящего чайника поднимался вверх тонкими клубками, высвечиваемый лучами рассвета, которые уже нагло скользили по столу, по стенам, по плечам хлопотавшей у плиты домохозяйки. Свет и пар переплелись — и на секунду показалось, будто по комнате плывут золотые облачка.

1958 год. Семья Гоголь. Верхний ряд: брат Виктор и Владимир с супругой Надей

Нижний ряд: Андрей Федорович с внуком Сашей и Феодосия Евтеевна с внучкой Галиной

Шкворчание на сковородке усилилось — лук стал цвета янтаря, прозрачным, выпуская сладковатый аромат. Сало подрумянилось, насыщая воздух вкусным запахом, от которого в животе неминуемо отзывалось голодное урчание... Феодосия Евтеевна помешала поджарку и, разбивая одну за другой о край сковородки скорлупки, заполнила ее полтора десятками куриных яиц. Завтрак она готовила на всю семью — на семь ртов...

Род Гоголей пришел в эти края еще до революции — в самом начале двадцатого века. Прадеда, Федора Гоголя, прислали по найму из Полтавы — строить стратегически важную магистраль Москва–Ташкент. Так он оказался в казахской степи: сначала временно, а потом — навсегда.

Его сын, Андрей, родился здесь же, в 1905 году, на скромном железнодорожном разъезде № 45. Там же, в станционном домике, в конце двадцатых годов появились на свет и первые внуки Федора — Владимир и Виктор Гоголи. Эти два брата заканчивали школу в приграничном поселке Сагарчин, на оренбургской стороне. До Аккемира дорога была ближе, но там в то время имелась лишь семилетка — маловато для мальчишек с амбициями...

— Когда уж наконец заберут эту рухлядь с нашего двора?
— заходя с мороза, вслух проворчал старик Гоголь — Андрей Федорович.

— Да уж... — поддержала его супруга, не оборачиваясь.
— Поди уже два месяца тут стоит.

По осени, прямо напротив их крайнего в Аккемире дома, сломался грузовик. Возвращался в Актюбинск и прямо на дороге серьезная неисправность приключилась. Шофер уговорил Гоголей оставить свою полуторку у них во дворе. Всем скопом дотолкали ее за ворота. Водила уехал — и пропал.

На короткое время грузовик стал чуть ли не аттракционом. Дети, как мухи на мед, липли к нему.

— Так если б нам дозволили... — выходя из спальни и потягиваясь на ходу, присоединился к разговору стариков их сын Владимир. — Мы бы с братаном Витькой ее враз починили.

— Ты это брось и забудь, — сурово одернул отец, Андрей Федорович. — Хватит из себя инженера, конструктора ракет Королева, строить. Тебе что, мало хлопот с Эльзой было?..

Прошлым летом Владимиру окончательно поднадоело вечерами после работы еще и косой махать. Не хватало ни сил, ни желания вручную заготавливать сено для своей буренки.

Тогда он и додумался собрать самоходную сенокосилку. В шутку прозвал ее Эльзой.

Рядовой рабочий железной дороги взял обычную телегу, в которую запрягали одного-двух ослов — или, как в поселке говорили, “ишаков”. На место прежних оглоблей установил бензиновый мотор ЗИД-2, такой применяли на фермах. А из подручного металлолома смастерил косилку и грабли.

Новшество не осталось незамеченным. Одним из первых проявил интерес управляющий Федорченко:

— Молодец, хлопец. Башка у тебя варит. Только давай договоримся: половину себе косишь, другую нам, в совхоз сдашь.

На следующий день Эльза сломалась.

— Ремонту не подлежит, — развел руками молодой изобретатель.

Шуму потом было... Ему даже сроком за саботаж грозили...

Следом за Владимиром из спальни вышла его супруга — Надя. Для пациентов она была — Надежда Гордеевна. У поселкового фельдшера было красивое, хоть и редкое отчество — Гордеевна, от имени ее отца — Гордий. Кто-то путал с “гордым”, кто-то — с “гордыней”.

— Неужто, доченька, и в воскресенье на работу идти надо? — спросил свекор, пропуская ее к столу.

— У болячек и насморка выходных не бывает, — вместо невестки ответила свекровь, подойдя от печи с полной до

краев сковородой яичницы.

*В больнице Аккемира. В верхнем ряду:
Надежда Гордеевна Гоголь и Эмма Ляйбрант*

Вчера она вернулась с работы очень поздно. Хотя это было скорее правилом, чем исключением. Фельдшеру совхоза “Пролетарский” с четырьмя отделениями, раскиданными по бескрайней степи, порой казалось, что она и вовсе не снимает с себя ни халата, ни белого колпака. А стетоскоп, висевший на шее, будто прирос — как амулет, как личный знак ее вечного дежурства. Работы хватало на троих, а успевать приходилось одной.

Перед нами сидела крепкая женщина, словно вылепленная из самой земли — такая настоящая, какой бывает хлебный каравай. Лицо ее — простое, почти суровое, без украшений и нарочитых черт. Высокий, чистый лоб — словно открытый для прямых мыслей и ясных решений. Брови — прямые, упрямые, будто начерчены одной линией — сдержанность и принцип внутри. Нос — крупный, прямой, крестьянский, как у тех, кто привык дышать полной грудью, не жалуясь. Уши — прижаты, аккуратные, как у человека, что не слушает сплетен, но слышит чужую боль. Подбородок — тяжелый, уверенный, с едва заметной ямочкой упрямства. Губы — некрупные, бледные, но мягкие в уголках: они умеют не только сжиматься от усталости, но и расплываться в редкой, но доброй улыбке. А короткая, почти мужская стрижка лишь подчеркивает главное: перед вами не баба с огорода и не медсестричка с бумажками — а человек, на котором все держится. И дом, и дети, и поселок. Не жизнь — служба. Ти-

хая, неустанная...

Надя на мгновение закрыла глаза. Ломило кости, как у военных — после изнурительного, многокилометрового маршброска по пересеченной местности, да еще в полном боевом снаряжении.

Из кухонного окна, как всегда, просматривались очертания казахского кладбища — зирата. Многогранные каменные стелы кулпытасов, узорчатые ограды торткулаков и высокие купольные надгробия — кумбезы.

Алга — на казахском означает «вперед». Есть анекдот на эту тему:

— А как будет «назад»? — спрашивают у казаха.

Тот улыбается, пожимает плечами:

— Нет у нас такого слова.

— Как же тогда вы говорите «назад»?

— А мы просто разворачиваемся — и снова: Алга!..

За казахским зиратом, почти в тридцати километрах севернее Аккемира, раскинулся городок под названием Алга — родина Надежды.

Вряд ли кто сегодня вспомнит, как изначально назывался тот аул. В начале XX века рядом прошла железная дорога Оренбург — Ташкент, и поселение получило условное название — разъезд 44. Уже при советской власти разросшийся населенный пункт переименовали в Алгу.

Мария Кузминична Демина, Надежда Крапивко и Надежда Гоголь

Там, в ноябре 1927 года, в семье Олейник — столыпинских переселенцев из Ростова-на-Дону, под покровитель-

ством планеты Юпитер, родилась третьей из пяти детей девочка-Стрелец. Звезды пророчили ей характер стихии огня, а вместе с ним — оптимизм, прямоту, независимость, стремление к знанию и свободе. Среди ее «астрологических родственников» легендарный маршал Георгий Жуков, Юрий Никулин — актер с глубокой душой и философской улыбкой. По знаку зодиака Стрельцами были такие исторические фигуры, как Иосиф Сталин, Леонид Брежнев и Уинстон Черчилль...

Надя поступила в медучилище, но вскоре началась война. Учащихся часто направляли работать на местный химический завод. Невыносимый запах испарений, сырость и каждодневные смены в резиновых сапогах — все это дало о себе знать. Еще в юные годы подросток заработала ревматизм, особенно мучивший ноги.

Получив диплом медика, Надежда по распределению трудоустроилась в больницу Аккемира. Там ее приняли в коллектив настоящих мастеров своего дела, прекрасных специалистов с многолетним опытом: врача-рентгенолога Пилипенко Петра Никифоровича и фельдшера-акушерки Марии Кузьминичны Деминой...

Вскоре Надежда познакомилась с односельчанином Владимиром Гоголем и вышла за него замуж. Ее супруг к тому времени работал на железной дороге. Следил там за электричеством: чтобы семафоры загорались вовремя, стрелки переключались как надо...

Мария Костенко, Житинская Галя и ее внучка Ира

С Владимиром они своих детей не баловали. С малых лет приучали к главному — жить дружно, быть внимательными друг к другу и поступать по совести. Конечно, в семье всякое может случиться — не без обид, не без ссор, — но держаться надо вместе. Уважать друг друга, стоять плечом к плечу.

— Берите пример со своей мамы, — часто наставлял их Владимир. — Я-то, понятно, люблю и слушаюсь своих ро-

дителей. А вот вашей маме они ведь не закон. Но она, смотрите, сколько лет живет со свекром и свекровью под одной крышей. В наше время — это, считай, подвиг. Ни разу не заикнулась, мол, давайте поживем отдельно, или — не дай бог — сдать стариков в дом престарелых. Ей семейный долг — превыше всего.

У Надежды невольно всплыло воспоминание — однажды ее спасла свекровь, Феодосия Евтеевна. Это было жарким летом. Она, как обычно, ехала на велосипеде — спешила на частные огороды, что тянулись вдоль берега, по ту сторону реки Илек, напротив Аккемира. Чуть поодаль в это время паслись сотни совхозных коров. Все казалось привычным, спокойным, ничто не предвещало беды. Но вдруг от стада отделился бугай — массивный, темный, с налитыми кровью глазами. Фыркая и взбивая пыль копытами, он неожиданно сорвался в погоню за велосипедисткой.

— Вот я дура, — мелькнуло у Нади. — Дернуло же меня сегодня надеть эту новую красную блузу...

Почти на ходу она спрыгнула с велосипеда, сорвала с себя яркую обновку и кинулась в сторону берега. Но тут ее подкосила боль — ревматизм, что остался после юности на химзаводе, внезапно сжал колени. Она рухнула на землю, даже не успев выставить руки.

Словно из воздуха рядом появилась свекровь — мокрая с головы до ног, с вилами наперевес. Как она успела перебраться через реку — оставалось тоже загадкой. Пожилая, но

решительная, Феодосия Евтеевна храбро встала между животным и невесткой.

Криками, шумом и размахиванием руками они все же отогнали разъяренного бугая и отбили велосипед. Он был сильно помят, рама согнута, спицы вывернуты. Но блуза — как ни странно — уцелела. Ни единой дырочки...

Неожиданно тишину дома разорвал резкий звук. Могло

показаться, что прямо у порога во весь голос затрезвонил будильник. Семья за столом невольно вздрогнула.

— Что за чертовщина?! — вырвалось у свекра, Андрея Федоровича, вполне в духе их однофамильца — писателя Николая Васильевича Гоголя. Старик не постеснялась сплунуть через плечо, словно отгоняя дурное. Нехотя двинулся к выходу.

Домашний звонок в Аккемире был диковинкой, почти чудом. Несколько лет назад Владимир — электрик от Бога — протянул от ворот до дома тонкую линию, приделал кнопку на столбе и соорудил звонок из переделанного старого будильника. Первый и единственный на весь поселок!

Соседи тогда дивились, качали головами, приговаривали: — Ну, это как Гагарин в космосе — теперь и у Гоголей в избе прогресс!..

У ворот поджидала маленького роста казашка.

— Здравствуйте... доктор нада... — выдыхая, она пыталась справиться с одышкой.

— Что случилось?

— Моя келин рожать... Воды потеряла...

Андрей Федорович еще не успел ответить, как мимо него уже промелькнула Надежда Гордеевна — на ходу застегивая пальто...

Когда началась война, Андрея Федоровича Гоголя на фронт не забрали: у железнодорожных стрелочников тогда была броня.

А вот Владимир отправился служить уже после Великой Отечественной. Его направили на Урал, в войска связи — рядом с земляком и тезкой — Володей Быковым.

— А ты, Володька, чем сегодня заниматься то будешь? — вернувшись в дом спросил отец сына. — Опять хвосты крутить?

— Ага, — кивнул тот. — У нас рабочая шестидневка. А воскресенье — святое, все расписано до самого Нового года.

Их было пятеро друзей — Брезина, Ковешников, Король, Энгель и Гоголь. Зимой они вместе и по очереди закалывали свиней из своих хозяйств. А потом еще и другим в этом деле помогали.

— А нашу зубастую Эльзу, значит, в начале декабря резать будем, — напомнила Феодосия Евтеевна.

Тут уж и постороннему стало бы понятно, в честь кого из прожорливых Владимир назвал свою самоходную сенокосилку.

На вкусный запах завтрака, будто котят на запах молока, потянулись проснувшиеся дети. Сонно потирая глаза и шаркая тапочками, один за другим в кухне появились — Саша, Галя и четырехлетний Юра.

— Санек, — теребя волосы на голове старшего внука, попросил дед. — Ты скотину поможешь напоить?

— Так делов-то, — важно ответил мальчишка. — Нажал кнопку — и вода сама льется. Вы ж с папкой сами и придумали.

Электричеством поселок питал элеватор. Свет часто про падал, а по вечерам давали только до одиннадцати. Тогда Го-голи построили собственный ветряной электрогенератор. Но конструкция получилась тяжелая, ветра не хватало — короче, «свой ток» получить не вышло.

Следующим изобретением стала колонка. В Аккемире воды всегда не хватало. Таскали и возили из реки или носили воду в ведрах и флягах от водонапорной башни возле вокзала. Вот Андрей Федорович с сыном решили пробурить скважину, чтобы иметь колонку во дворе. Пробурить — пробурили, минимум восемнадцать метров преодолели, а вот как воду наверх поднять? Тут Владимир и придумал полумеханический насос: поршень, а привод — от электричества. Качали помаленьку. Для семьи достаточно: пить, готовить, скотину напоить. На полив сада и огорода — уже не хватало. Да и вода оказалась слегка солоноватой...

Владимир оделся и вышел из дома. Он невольно замер прямо у порога, прикрывая рукой глаза от ослепительного дневного света. На нем тяжелое зимнее пальто с широким воротником, то самое «москвичка» — мечта любого сельчанина того времени. В отличие от ватников и бушлатов оно выглядело солидно: плотное суконное, прямого силуэта, «по-городскому». На голове — теплая «меховая» шапка. У каждого советского жителя первая такая шапка была, как правило, цигейковая: круглая, обычно серого цвета. В народе даже шутили: «Что за зверь такой — цигейка?» Но зверь

это был вполне настоящий — овчина, только стриженная почти под корешок: ворс плотный, крепкий и очень теплый.

Снег лежал легким, хрупким покрывалом на бескрайних полях, и казалось, что он не просто белый — он искрился тысячами незримых кристаллов, отзываясь на каждый солнечный луч. Мороз слегка щипал щеки, но воздух был таким живым, что его хотелось вдыхать полной грудью, чтобы почувствовать всю свежесть степи сразу, одним до конца честным вдохом.

Возле полузанесенных снегом саманных домов с плоскими крышами, в легкой изморози стояли редкие деревца. А зимняя, укатанная колесами дорога блестела местами льдом и, слегка изгибаясь, вела к центру поселка.

По ней сейчас шагал Владимир Гоголь. Поспешал на убой скота. Снег скрипел под ногами — звонко, уверенно, а солнце шаловливо подмигивало ему, отражаясь в каждом ледяном кристалле. Он остановился, посмотрел на ровную ледяную колею, оглянулся по сторонам. И вдруг на его лице появилась мальчишеская, озорная улыбка. Размахнув руками, он разбежался... и проскользил на своих валенках, обутых в резиновые калоши — так весело и ловко, словно морозное утро подарило ему второе детство. Снег вокруг вспыхнул ярким светом, искрился тысячами отблесков. И казалось, что сама зима радостно поддакивает: катись, катись, пока сердце молодое!

Разлив Илека (видна водокачка) 11 апреля 1961 года

По левую сторону от дороги вниз к реке уходил пологий овраг. В его конце виднелась крыша водокачки и густые верхушки деревьев, окружавших ее — старые черемухи. Высокие, с толстыми, шершавыми стволами, они летом стояли в тяжелых кистях темно-фиолетовых, почти черных ягод. Такие сладкие, что аж язык сводит, и с легкой терпкой «щепоткой» — вкус, который навсегда остается во рту и в памяти. Отсюда насосы подавали воду по трубам к двум более чем двадцатиметровым водонапорным башням у железнодорожного вокзала. В те времена паровозы расходовали ее в

неимоверном количестве...

Водокачка стояла непосредственно на берегу реки Илек. Каменная плотина соединяла берега, перекрывая русло и образуя широкий плес — участок с тихим, более глубоким течением. Видимо, чтобы вода здесь стояла выше. Под камнями этого запруда поселковая пацанва все лето, каждый божий день, ловила раков. Поджарят улов на огне — тем, считай, и питались. И всем хватало.

Там часто пропадал с соседскими подростками и старший сын Гоголей — Александр, вместе с тезкой Лисицким, Бредгауэром и Маленковым. Но их туда привлекали не только раки. У смотрителя водокачки, Ивана Агафоновича Мышелова, была лодка. Во время весеннего паводка он переправлялся на ней, как говорится, со своей водокачки — на «большую землю». Летом же она покоилась на берегу плеса. Во всяком случае, так хотелось бы ее владельцу. Привяжет, прикует — ничего не действует. Ребяшня все равно умудрялась ее отцепить, чтобы покататься.

Иногда и спокойного плеса им становилось мало. Перетащат лодку через каменный вал — и вниз по течению Илека. В сторону кузни в Дорурсе, до местечка под названием Балкен. Говорят, когда-то там жил человек по имени Балкен. У казахов действительно встречается слово «балкен» в разговорной речи — характеристика молодости человека: молоденький, зеленый в жизни. Как правило — добродушно, с легким подтруниванием:

— Эй, балкэн! — примерно как по-русски: эй, мелкий! или шустрик!

Возможно, местные так прозвали и этот участок реки под Желтой кручей — узкую, неглубокую полосу с журчащим, достаточно быстрым течением. Кто теперь это знает...

Искать пропавшую лодку приходилось нередко — то самому Ивану Агафоновичу Мышелову, а чаще его старшим сыновьям, Виктору и Владимиру. Шли они берегом, всматриваясь в заросли камыша да талы. Найдут — и тогда уже, словно бурлаки, тащат лодку против течения обратно. До следующей ее пропажи...

На изгибе между дорогой и обрывистым берегом Илека, там, где под бугром пряталась водокачка, возвышалась мельница. Ее силуэт, как и похожий главный корпус аккемирского элеватора, был замечен издали — словно большой, неровно сложенный сундук, который годами дополняли новыми крышами и пристройками. Водокачка, мельница и элеватор жили своей обособленной жизнью, каждый производя себе электроэнергию на дизельных генераторах.

Мукомольня стояла на прочном цементном фундаменте. Выше начиналась уже другая история: стены из деревянных брусьев, потемневших от времени и ветра. Местами прорывалась наружу и кирпичная. А выше — надстройка с вертикальной обшивкой, аккуратнее остальных.

Сверху все это накрывала крутая железная крыша — ли-

стовое железо со швами, прожженными временем и ржавчиной. На верхнем ярусе торчала толстая труба, выведенная наружу. Скорее всего от вентиляции. Хотя, чуть ниже на железной поверхности виднелись черные следы копоти.

Во дворе перед зданием царила хозяйственная неразбериха: обветшалый сарай с покатой крышей жался к стене, как младший брат; вперемешку валялись бочки, корыта, детали машин — вещи, оставленные там, где их в последний раз использовали. От электрического столба к зданию тянулись провода — тонкая пуповина цивилизации, заставлявшая моторы внутри вздрагивать и оживать, когда ток все-таки поступал. И тогда мельница начинала дышать — шипела, гудела, распыляла в морозный воздух рыжеватую мучную пыльцу. Ее были покрыты и крыши и стены. Ровным слоем она ложилась и на сугробы, превращая окружающий снег в сияющий хлебный иней.

И запах... над всей округой всегда стоял особый аромат дерева, зерна и муки. В воздухе чувствовался хлеб, еще не родившийся, но уже обещанный.

Тогда никто и представить себе не мог, что водокачку и мельницу однажды развалят. Они останутся только на редких старых фотографиях, да в памяти тех, кто их видел. А элеваторский корпус, когда-то высокий, заметный издали, будто маяк степи, подменят безликим цементным квадратом — таким, где глазу не за что зацепиться.

Через десяток метров Владимира окликнули.

— Куда это ты в воскресенье да в такую рань направляешься? — поверх штакетин калитки вопросом приветствовала его Амалия Лейзель.

Она стояла у своей землянки в теплой ватной фуфайке. Голову прикрывал шерстяной платок в коричнево-кремовую клетку — тот самый, «сельский». Плотный, чуть колючий, но живо греющий, будто в нем все еще жило овечье тепло. По краям висела короткая бахрома, припорошенная свежим снегом.

Пожилая немка держала в руках самодельную лопату — широкая пластина фанеры, прибитая к древку. Женщина отбрасывала снег от дорожки. Благо тот еще не успел спрессоваться.

— Здравсте, тетъ Маль, — остановился Владимир. — Мы сегодня режем борова у Бондаря.

Примерно в 1970-м году мельницу разобрали на дрова и кирпичи, оставив лишь открытую рану — неподдающийся литой цементный фундамент

— И что, будет он мясо продавать? Сколько за кило? — не переставая махать лопатой, поинтересовалась Лейзельша.

— А вам оно нужно? — набрался смелости поддеть ее Владимир. — Вон отсюда слышно, что у вас самих свинка на откорме стоит.

— Уже и спросить нельзя... — недовольно отмахнулась женщина и, фыркнув, вернулась к своему занятию.

Снег шуршал под фанерой, утро парило морозным дыханием. Владимир, усмехнувшись краешком губ, зашагал дальше...

Зимним днем казахстанское солнце беспрестанно заглядывает в окна. Оно не ищет высоты и никогда не поднимается в зенит. Ближе к полудню лучистое светило Аккемира зависает над рельсами железной дороги, что тянется в сторону Кандагача.

В это воскресенье вся поселковая ребятня, будто по команде, высыпала на берег замерзшего Илека. Оттуда доносились гул голосов и звонкий смех. Естественно, и дети семьи Гоголь — Саша, Галя и Юра — торопились присоединиться к этому веселью.

Старший нес отцовские лыжи — все еще тяжелые и слишком длинные для подростка. Они часто нарушали равновесие на его худеньких плечах: то загнутые носки цепляли снег впереди, то пятки волочились позади, оставляя кривоватую колею. Саша слегка пошатывался, но держал осанку гордо. Он мечтал прыгать высоко — как старшие парни, а может, и выше.

Средний ребенок в семье, девочка Галя, не могла оторвать глаз от своих новых коньков. Любуясь ими, она совсем не следила, куда ступают ее ноги — то спотыкалась, то подскользывалась.

— А что будет, когда ты коньки наденешь? — подтрунивал над ней брат. — Просто цирк на льду?!

Галя не ответила — лишь метнула на него косой взгляд из-под белой меховой шапочки. В душе она, как и все девчонки тех лет, мечтала кружить на коньках — не хуже Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова, звезд советского парного катания: легких, грациозных, словно парящих над льдом.

Младший Юра, чуть отставая, тянул за собой деревянные саночки. Их смастерил его папа — собственными руками. Когда-то Владимир и Андрей Федорович придумали и собрали в пристройке электрический деревообрабатывающий станок. На нем в доме Гоголей изготавливали табуреты, столы, шифоньеры, а еще — резные украшения для мебели...

Дом Бондаря всегда можно было узнать издалека — рядом, словно верный пес, стоял припаркованный грузовик. Для улиц небольшого поселка в те годы это была редкость. ГАЗ-51, зеленый, с ободранными бортами, но все еще бодрый. Водитель ласково звал его «Ласточка» — хотя машина была больше похожа на крепкого быка, чем на птицу.

Дмитрий Васильевич Бондарь — молдаванин, переселенец из Бессарабии. В сорок первом ушел на войну, в сорок пятом вернулся — седее, чем уходил, но упрямый и полный сил. В Аккемире он недолго успел побыть председателем сельсовета, однако судьба распорядилась иначе: из НКВД пришли бумаги — в них значилось, что Бондарь когда-то был в окружении. Этого хватило, чтобы в одночасье лишиться кресла председателя.

Но мужчина был не из тех, кто сразу падает духом. Он остался в поселке, устроился при школе завхозом. Ему выделили грузовик. И с той поры «Ласточка» неотлучно жила возле его двора, готовая в любую минуту везти хозяина по делам — за углем или дровами. А то и вместе с группой школьных уборщиц — «техничек» — на близлежащие известняковые кручи: добывать побелку для здания. Еще чаще — школьников на совхозные поля, на сбор картошки и капусты.

Первомайская демонстрация в Аккемире на фоне элева-

Во дворе Владимира уже поджидали его друзья — все в сборе.

— Ты что опаздываешь? — нарочито сурово спросил Якоб Энгель, поправляя рукавицы.

— Начальство не опаздывает... оно задерживается, — тут же нашелся Гоголь.

— А что, слабо придумать будильник? — раскатисто засмеялся Михаил Брезина. — Я, если что, могу помочь: у меня где-то один лишний завалился.

— Ты лучше побереги его. Глядишь, самому скоро пригодится, — посоветовал Ковешников.

— Ты это про что, Володя? — сурово прищурился Брезина на односельчанина.

— Ходят слухи, что ты на место Мышелова, смотрителем водокачки, метишь. А твоя женушка вроде как против — не хочет со своей землянкой расставаться.

— То-то, тезка, — подхватил Михаил Король. — Вот твои будильники на две хаты и пригодятся!

Брезина смутился, отмахнулся:

— Вовсе я и не лезу на чужое место. И в голову такое никогда не пришло б. Просто Иван сам просится обратно на

железку. Им там на вокзале и квартиру хорошую предлагают.
— Да будет вам, мужики. Погоготали и хвате. — предупредил хозяин двора. — Боров сам себя не разделает.

Дальше работали молча, слаженно, деловито: один готовил веревки и настил, другой проверял ножи, третий подавал горячую воду. Порой слышался только звон металла да тяжелое дыхание мужчин в морозном воздухе. Снег вокруг

помоста потемнел — там, где горячая вода смешалась с красными следами забоя.

Когда-то на пороге дома показалась хозяйка. Она придерживала наспех наброшенный на плечи платок. В другой руке Лукерья Севастьяновна держала тарелку, а на ней по кругу теснились маленькие граненые стаканчики.

— Мужики... чисто для сугрева, — предложил Бондарь, принимая поднос из рук жены.

Он кивнул в сторону эмалированного таза, над которым поднимался пар:

— Келя! (так он любовно называл супругу) Там все для свеженины. Сготовь нам вкусное жаркое...

Буквально в тот же момент у калитки двора появились две фигуры.

— Явились — не запылились, — буркнул себе под нос Энгель. — Неужто Садвакасов и Жумагазин свинину есть станут?

— Ты думай, что говоришь, — осек его хозяин дома. — Они мне дороги, фронтовики ведь.

Любой другой на его месте уже давно бы выругался матом. Но Дмитрий Васильевич был не из тех. Самое крепкое слово, которое он позволял себе в сердцах, — «собака». Сам он ни пил, ни курил, но угощал друзей щедро, от души. Его супруга, Лукерья-Келя Литвиненко, родом с Украины, слыла хлебосольной хозяйкой — такой, у которой в доме и тепло,

и порядок, и всегда найдётся чем встретить гостей.

Так в селе было заведено издавна: с первыми морозами в большинстве хозяйств забивали на мясо и сало часть домашнего скота. После убоя хозяева обязательно устраивали застолье: благодарили и угощали тех, кто помогал в нелегком деле. На прощание бывало расплатятся с помощниками, но чаще — дадут с собой кусок свежатины...

Зимние сумерки наступают рано. Но на белой глади снежного покрова абсолютно вся окружность просматривается ясно и далеко. Владимир, с увесистой сеткой мяса и сала, немного пошатываясь от согревающего угощения, возвращался домой. Пройдя мимо мельницы, он заметил своих детей. Трое, с головы до ног облепленные снегом, устало брели с горок.

В отце вдруг вспыхнуло озорство. Он почти бегом бросился им навстречу, выхватил из Юриных рук веревку санок: — Сядайте! Все трое! Сейчас я вас прокачу с ветерком!

Былую усталость с ребятишек как рукой сняло. Они смешливо устроились на санках паровозиком: Саша — выше всех, сзади; перед ним — Галя; а впереди, как самый маленький вагончик, — Юра.

Саша крикнул:

— Пап. Готово! Поехали!

Под выстрелы сторожа

Оскар со своими соратниками добрались до яблоневого сада в Золотоноше. Темнота в саду была плотной, как черная ткань. Звезды едва пробивались сквозь густую крону деревьев, а луны не было — ночь выдалась темная, без единого блика света. Оскар и его банда пробирались меж деревьев, шурша травой, запинаясь о корни и спотыкаясь о поливные вазы.

— Да тише ты! — прошептал Андрюха Остертаг, осторожно заглядывая вглубь сада.

— Сам знаю, — мрачно ответил Оскар, сжимая зубы.

Ребята дальше крались в темноте, нащупывая руками низко висящие яблоки. Их было не видно, только чувствовалась прохладная, гладкая кожа.

— Держи мешок, — прошептал кто-то.

Но мешков не хватило на всех, поэтому каждый прятал добычу за пазуху: заранее подвязав рубаху на поясе, засовывая яблоки в штаны, где ткань натягивалась и мешала идти, набивая карманы, пока те не оттягивались до колен.

Они пытались быть тише, но это не получалось. Яблоки шуршали в листве, ветки хлестали по лицу, кто-то случайно наступил в лужу, кто-то чертыхнулся, зацепившись за корень.

— Тихо вы! — теперь уже шипел Оскар, но было уже поздно.

На другом конце сада раздался громкий треск сучьев.

— Э-э-э, кого там черти носят?! — загремел голос.

Это был Ковбасюк, сторож. Тяжелые шаги приближались.

— Попались, щенки! — рявкнул он.

Ребята вздрогнули, яблоки покатались по земле, но никто не осмелился нагнуться за ними.

— Стойте, гниды! — продолжал Ковбасюк, взмахивая ружьем. — Я вам сейчас такие «белые наливки» в зад засажу, что неделями сидеть не сможете!

*Павел Иванченко, Эмануил Бредгауэр, Василий Бредгауэр
и Остапенко*

Ребята мгновенно кинулись врассыпную. Кто-то прыгнул через ваду, кто-то проскользнул между деревьями, один даже шлепнулся в грязь, но тут же вскочил и рванул дальше.

Сторож выстрелил в воздух.

— Будет вам солью по жопе! — разозленно крикнул он.

Но его слова уже тонули в ночи. Пацаны мчались со всех ног, оставляя позади и яблоки, и свой ночной трофей. Лишь

где-то в кустах хрипло закашлял Андрюха Остертаг, все еще держа за пазухой пару заветных яблок.

— Яблоки, пацаны! — зашептал он хрипло. — Все равно яблоки есть!

И вся компания, еле переводя дух, разразилась тихим, но победным смехом.

— А я свои босоножки в малине потеряла... — расстроенный девичий голос раздался в темноте.

— Совсем новые, — продолжала она, явно на грани слез. — Мама мне их только вчера купила. Как я ей объясню? Она же меня прибьет...

Резко наступила тишина. Девочек в их банде никогда не было. Оскар напрягся.

— Ты кто? — его голос прозвучал настороженно, даже жестко.

— Бежим... — тихо пробормотал другой. Это был Витя Коваль, сосед и одноклассник Оскара.

Девочка явно была не их пугливых.

— Я Катя. Местная, — она тяжело вздохнула. — Мы с Зойкой за малиной пришли. А тут выстрелы...

Оскар с прищуром огляделся, пытаясь разглядеть ее в темноте.

— А ты нас не заложишь? — с опаской спросил Андрюха. Катя фыркнула и тихо рассмеялась.

— Да вы че? — весело шепнула она. — Я вас даже в лицо не вижу! Да и сама тут воровка.

— Ну, смотри... — пригрозил Оскар, его силуэт напрягся.

— Если что — головы тебе не сносить.

Катя опять хихикнула, но теперь уже с издевкой.

— Напугал кота сметаной!

Пацаны переглянулись. Но Катя не остановилась.

— Мой батя шофер. Он вас на своем автобусе догонит и раздавит, как дождевых червей.

Сказала это насмешливо, дерзко — и исчезла в темноте.

Пацаны еще долго молчали, слушая, как удаляются ее шаги.

— Блин... — прошептал Витя. — Вот ведь бесовка. Бежим, ребята.

Что-то подсказывало ему, что они еще с ней встретятся...

Она почти бегом добралась до дома окольными путями, мечтая не попасться на глаза родителям. Нагоняя Катя боялась больше, чем сторожа с ружьем. Поэтому решила не заходить в дом — пошла спать на сеновал.

До утра оставалось всего пару часов — летние ночи короткие, как вздох. Катя улеглась прямо на стог свежего сена, который ее отец заготавливал на берегу Илека. Глава семьи Городниченко косил, а она с мамой приходили потом переворачивать траву, чтобы та хорошо просушилась.

Сено еще пахло рекой, солнцем, скошенной зеленью. Катя прикрыла глаза и представила эти сочные зеленые луга: мелкие яркие цветочки, как рассыпанные бусины; гладь текущей реки, ее мягкое журчание, убаюкивающее, словно колыбельная; противоположный берег с высокими, обрывистыми

склонами, которые в округе называли "Желтые кручи"; прозрачные глубины реки, где среди водорослей прятались холодные родники.

Все это Катя видела перед собой — четко, ярко, живо. Где-то вдалеке пропела ночная птица, ветер шевельнул стог, и она уснула...

Девочка проснулась с первыми петухами. Во дворе уже гремела ведрами мать — суежилась, как всегда, с рассветом. Дочь спрыгнула со стога, отряхнула подол платья от сена и поспешила навстречу.

— Мам, давай я сама подою, — предложила она, стараясь говорить ласково.

Ей хотелось умиротворить маму, прежде чем рассказать о потере новой обуви. Но та лишь махнула рукой, даже не глядя на дочь.

— Иди-ка ты лучше поспи еще часок.

— Да куда там спать, мам... — Катя покачала головой. — Делов полный двор.

— А то ж! — родительница тяжело вздохнула, выливая помой курам.

— Коровы, свиньи, куры да гуси. Накорми, убери — тут не до сна.

Катя знала, что это правда. Живность с утра поднимала шум, требовала своего. А еще огород — сорняки сами себя не выполют.

семья Городниченко. Золотонош.

Мать оглянулась на дочь, словно вспоминая что-то важное.

— Ты вот лучше разбуди брата Ромку и сходите на склад.

— На склад? — переспросила Катя.

— Ну, тот, что возле мехтока.

Женщина отжала мокрую тряпку в ведре и пояснила:

— Я в совхозе оформила и выписала свой и отцовский

пай на яблоки. Принесете. Варенье будем варить.

Катя улыбнулась. Она любила этот ритуал — яблоки, запах кипящего сиропа, чистые банки рядами.

— Старайтесь побольше мелких, красненьких, приплюснутых набрать, — добавила мать.

— Дички? — уточнила девочка.

— Ага, те, что с горчинкой.

Мать подняла палец, словно для важности.

— Из них самое вкусное варенье выходит. Как всегда — с палочкой, на которой висели.

Дочь кивнула. Она знала, о чем говорит мать. Это варенье у них в семье любили больше всего.

Разбудив Ромку, дети быстро позавтракали — парное молоко и вчерашние оладьи. Долго рассиживаться было некогда. Они прихватили пару коричневых мешков из-под картошки и тачку на велосипедных колесах — отец сам смастерил ее, наварив железный каркас и поставив удобные ручки. Так и двинулись на склад.

На селе утро начинается рано, и работают здесь не в свет ни в зарю. Получив пайковые яблоки, Катя с Ромкой тащили тяжелую нагруженную тачку по песчаной грунтовой дороге. Они сгибались под ее весом, периодически останавливались, чтобы перевести дух.

И тут, впереди, в пыльной дымке рассвета, показался силуэт. Катя узнала его сразу. Зойка. Она шла им навстречу, но, заметив Катю, резко свернула в переулок.

Катя прищурилась. В этот же миг ее взгляд упал на ноги подруги — и сердце ухнуло вниз. На Зойкиных ступнях белизной сверкнули босоножки. Ее босоножки! Катя на секунду онемела от возмущения. Но потом, бросив тачку и брата, рванула в догонку.

— Сишко! — крикнула она в спину подруге.

Зойка ускорила шаг.

— Да погоди! Че бежишь, как от огня?!

Катя уже неслась за ней, будто за воровкой.

— Ты что?! — выдохнула Катя, настигая подругу. — Сейчас же отдай!

Но Зойка запаниковала и попыталась отбежать дальше.

— Нет, это мои! — оправдывалась она на бегу.

— Какие твои?! — подруга не верила своим ушам.

— Мне мама в том же магазине купила... — голос Зойки дрожал, но она упорно бежала вперед.

Катя кипела от злости. Вот уж не думала, что ее лучшая подруга способна на такое!

Ляйбрант Надя, Геннадий Костенко, Лимар Нигметов и Виктор

Кудағай апа

Одним вечерком, когда дневной зной начал спадать, и над рекой, питаемой неисчислимыми холодными родниками, распластался легкий туман, Иосиф поспешил искупаться в Илеке. После утомительного, но удачного дня он чувствовал удовлетворение от масштаба сделанного ремонта. Несмотря на усталость, сбежал вприпрыжку вниз по пологому берегу. Долго нежился в мелководье, где вода, прогретая

солнцем, напоминала по температуре парное молоко.

Парень не раз нырял с головой и пытался задержать дыхание как можно дольше. Видимо, именно в один из этих моментов над обрывом прозвучало протяжное:

— Ёсяяя!.. Ё-ё-ёсь!

Это звала баба Маля. Насладившись купанием, он вернулся домой, где его уже поджидал сюрприз.

— Ты где запропастился? — не скрывала тревоги хозяйка. — Тут один из Ихтияровых приходил. Ну, чабаны, помнишь?

— Конечно. Я с их дочкой учился — с Надишой.

— Вот. Пригласили тебя в гости. Там уже, говорит, несколько твоих одноклассников собрались.

— А чего так поздно-то? — зевнул Иосиф. — Ох, как неохота сейчас тащиться на другой конец села...

— Вот тут ты, пожалуй, удивишься, — прищурилась баба Маля. — Они тебя не в Аккемире ждут, а в Нижнем Таласпае!

— Мать вашу!.. — Иосиф аж присел. — И как они себе

это представляют?!

— Так он тебе лошадь оставил.

— В смысле? — Иосиф недоверчиво поднялся, подошел к окну. И точно — у забора стоял оседланный конь, мирно щипал траву на привязи.

— Ездить-то не разучился? — баба Маля смотрела так, будто ей и в голову не приходило, что Иосиф может отказаться от этой чумной затеи. — Дорогу, поди, еще помнишь.

Ты ж там в девятом классе на сакмане практику проходил.

Она на секунду замолчала, потом с уверенностью добавила:

— Хотя, чабанские лошади умные — сама тебя вывезет куда надо. Ты только доверься ей.

Старушка уже всю копошилась над солдатским рюкзаком.

— Я тут огурцов, помидоров свежих положила, — бормотала она, укладывая все аккуратно, как в детстве школьный ранец. — У них там, в степи, огородов ведь не сажают.

Она наклонилась, добавила что-то в боковой карман и продолжила:

— Только осторожней — сверху десятка два яиц. Я их в мешочек сложила, соломкой выстлала, чтобы не побились.

Сумерки медленно опускались на степь, растекаясь сиреневым дымом по краям горизонта. Молодой мерин шел ровно, почти не сбиваясь с ритма, словно сам знал дорогу. Его уши шевелились, улавливая каждый шорох, а копыта упруго отбивали гулкую дробь по утоптанной тропе.

Иосиф сидел в седле уверенно — тело в такт движению, взгляд устремлен вперед. Под кожей еще пульсировала дневная усталость, но душа, напротив, будто разрывалась от необъяснимой легкости и свободы.

Иногда из темноты вдруг выскакивал заяц, мелькая се-

ребристым боком, или прыгал тушканчик — нелепый и забавный на своих длинных задних лапках. Пугливо мелькали тени, исчезая в многочисленных зарослях колючей чилиги. С ветвей саксаула вспархивали боязливые куропатки — всполохом крыльев, тревожным криком будоража приготовившуюся ко сну округу. Степь будто вздрагивала от неожиданного наездника.

Порывы встречного ветра пробирались сквозь тонкую рубашку, но в груди жила какая-то теплая радость — он снова был частью этой земли, ее дыхания и движения. Вокруг — простор, над ним — звездное небо, под ним — надежный конь. И что еще надо?

Чабанская точка расположилась на пологом склоне оврага — словно зеленый оазис посреди бескрайней, выгоревшей на солнце желтой степи. Внизу, по самому его дну, струилась небольшая речушка, блестя в последних лучах заката. Издалека доносился разноголосый хор квакающих лягушек.

Несколько кошар, низкая саманка, перед входом навес из брезента, вскинутый над широким настилом нар, развешенные на сучках деревьев пара керосиновых ламп. У костра мелькали силуэты людей, слышались голоса, смех, лязг посуды. Запах варящегося мяса и дыма приятно щекотал ноздри.

Иосиф сдержал мерина, глядя на это с небольшого пригорка. Все было знакомо, родное, словно не годы прошли, а лишь один оборот стрелок циферблата — и он вернулся туда, откуда начинался.

Первыми наездника учуяли собаки. Их звонкий, заливающийся лаем голос сорвался с ближайшей кошары и понесся по вечерней степи. Две тени метнулись навстречу, стремительно преодолевая расстояние, злобно рыча и предупреждая о приближении чужака. Но уже через несколько десятков метров настороженность в их голосе начала угасать. Уши опустились, лай стал тише, и вскоре превратился в вежливое повизгивание.

Псы, видимо, уловили запах знакомого мерина — одно-

го из своих, с чабанского табуна. Восседающий в седле человек, по их понятию, не мог быть врагом. Они замедлили шаг, обогнули лошадь кругом и, повиливая хвостами, приняли всадника как своего.

В почти безлюдной степи не только сами номады, но даже их домашние животные всегда по-настоящему рады гостям. Здесь каждый приходящий — событие, каждое новое лицо — оживление в буднях. Даже псы и овцы, как будто чуя особую ценность редкого визита, встречают чужака без тревоги — с тихим любопытством, будто понимая: здесь, в бескрайности, чужих почти не бывает.

— А вот и наш Юсик подрос! — раздался громкий прокуренный голос высокой казашки, матери Надиши, одноклассницы Иосифа — Назипы Алиевны.

— Қош келдің! — с доброй улыбкой поприветствовала она, хлопнув успевшего спешиться гостя по плечу, словно встречала родного сына после долгой разлуки.

— Сәлеметсіз бе, апа... — поздоровался Иосиф, обратившись к ней как к тете. Чуть запнувшись, и после короткой паузы еще добавил: — Құдағай.

Он произнес это неуверенно, почти шепотом. Помнил, что в совхозе Назипу Алиевну чаще звали именно так — "құдағай". Но сейчас, стоя перед ней после долгой разлуки, он вдруг усомнился, имеет ли право обращаться к ней подобным образом.

С одной стороны, «құдағай» — это уважительное слово,

которым казахи называют свояченицу или сватью — мать жениха по отношению к матери невесты и наоборот. Например: Келіңіз, құдағай! — «Проходите, сватья!».

С другой — это же слово, слегка измененное (құдай-ай), может быть восклицанием: «О Боже!», «Господи!», «Мама моя!», особенно в просторечии:

— Құдай-ай, бала, не істеп жүрсің?! — «О, Боже, мальчик, что ты творишь?!».

— Құдай-ай, заман қайда бара жатыр?! — «Господи, куда катится этот мир?!».

Так что, произнеся «құдағай», Иосиф невольно оказался между двух смыслов — официального и народно-эмоционального. Но женщина, кажется, все поняла правильно. Ее лицо озарилось доброй, почти материнской улыбкой.

— Ты прям свой в доску! — хрипловато воскликнула пожилая женщина, глядя на Иосифа с одобрением. — Ведь не забыл... помнишь нас, значит.

Из одноклассниц, помимо Надиши, здесь оказались Служан Карагулова и Галя Нехотящая. А из парней — Анар Дильмагамботев и Марат Зиядиев. По счастливому стечению обстоятельств парни, как и Иосиф, находились сейчас в армейском отпуске.

Пока готовилось мясо зарезанного к вечеру молодого барашка, гости уселись на свежем воздухе, за дастарханом на нарах. Их угощали айраном и чаем. Обслуживала их молчаливая, хрупкая, словно девочка, невестка — в белом длинном платке, концы которого свисали на груди почти до поя-

са. Единственное, что она могла себе позволить, — это кротко улыбаться.

— Наша келін Жадыра, — пояснила Иосифу апа Кудайгай.
— Жена моего Амана. Он у нас теперь главный чабан.

— И где он? Почему не с нами? — огляделся Иосиф. — Отару не видно и не слышно.

— В Отеба, — ответила Надиша. — Его помощник, Валентин Ершов, значит с отарой овец там на летнем пастбище. А наш брат погнал туда қошқар.

— Ах да... — Иосиф щелкнул пальцами, припоминая. — Я ведь совсем забыл, у вас же на весь совхоз одна отара баранов-производителей.

— Ага, сейчас они там овец покрывают, — усмехнулась девушка. — У них, можно сказать, медовый месяц.

За дастарханом все дружно рассмеялись — весело, по-домашнему.

— А чем тогда нынче занят глава рода, Акылбек Ихтиярвич? — все еще улыбаясь, поинтересовался Иосиф. — Никак на пенсию вышел!? На печи небось кукует, баклуши бьет?

На нарах мгновенно воцарилась гробовая тишина. Улыбки погасли, взгляды потухли. Иосиф понял — что-то ляпнул не к месту.

Прошло несколько напряженных минут, прежде чем апа Кудайгай, собравшись с духом, заговорила:

— Ол өте ауыр науқас... Менің бүркітіме қатерлі ісік диагнозын қойды... (Он очень болен... У моего беркута — рак.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.